

Проблемы отечественной истории и археологии

Б. А. ТРЕХБРАТОВ

**ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА И ОБРАЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ 20-Х ГОДОВ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

В данной статье рассматривается вопрос об уровне социально-экономического строя Киевской Руси.

Ключевые слова: государство, феодализм, рабский, общественно-экономическая формация.

Проблема образования первого государства у восточных славян и его социально-экономического статуса в той или иной степени всегда находилась в центре внимания не только отечественных, но и многих зарубежных историков. Несмотря на свою отдалённость от современных идеологических баталий, она во многом оказалась политизированной, главным образом, по двум причинам. Во-первых, потому, что само основание русской государственности связывалось с призыванием пришельцев со Скандинавского полуострова и вольным или невольным утверждением, что восточные славяне не были в состоянии к самостоятельному государственному творчеству и обязаны созданием государства варягам. Во-вторых, потому, что общественный строй Киевской Руси вызвал наибольшие споры и не укладывался в марксистские схемы о динамике общественно-экономических формаций, когда на смену первобытнообщинному строю (как понимали эту теорию некоторые советские историки) обязательно должен прийти рабовладельческий способ производства. В связи с этим отдельные историки, чтобы буквально следовать за построениями создателей формационной модели общества, анализируя сохранившиеся немногочисленные источники, преувеличивали значение рабства в нашей древнерусской истории, вместе с тем, умаляя роль зарождавшихся феодальных отношений. С другой стороны, советские историки не могли не реагировать на критические замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на проект учебника по истории СССР (1934 г.), которые определялись отечественными историками как важнейшие вехи в развитии марксистской историографии [1]. Один из известных историков того времени И. И. Смирнов писал, что в этих «замечаниях» историки СССР получили важнейшее принципиальное указание, что гранью, отделяющей феодальный период от дофеодального, является закрепощение крестьян» [2]. В этом заключалась опасность другого рода, что социально-экономический строй Киевской Руси мог «подтягиваться» к феодальному.

Для целей нашего исследования, как, впрочем, и любого другого, важно рассмотреть историю вопроса. Небольшой историографический обзор (на

полную и всестороннюю историографию вопроса мы не претендуем) поможет понять значимость исследования, особенно данной темы, когда речь идёт о начальных страницах отечественной истории, плохо обеспеченной источниками, и, напротив, избалованной вниманием историков.

Один из видных историков-марксистов М. Н. Покровский в своей «Русской истории в самом сжатом очерке», вышедшей в 1920 году, отмечал, что первые новгородские и киевские князья были рабовладельцами и работоторговцами. Русь X-XI века, по мнению учёного, ещё не знала общественных классов. Установление феодальных порядков он относил лишь к XIII веку [3].

Специально этим вопросом уже в 20-х годах XX века занимался С. В. Юшков. Название его статьи «Феодальные отношения в Киевской Руси» уже само по себе свидетельствует о направлении мыслей учёного [4].

Наиболее пристальное внимание к проблеме социально-экономического строя Древней Руси стало уделяться в 30-х годах, когда развернулись целые дискуссии, участниками которых выступили такие крупные учёные, как Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, С. В. Бахрушин, С. В. Вознесенский, тот же С. В. Юшков, опубликовавший к тому времени монографию по истории феодализма в Древней Руси [5], и др. Отправным моментом в этих научных спорах стал доклад Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Древней Руси», прочитанный им в 1932 году в Государственной Академии истории материальной культуры и опубликованный вместе с прениями участников дискуссии в 86-м выпуске «Известий» Академии в 1934 году. Основное содержание доклада можно свести к выводу автора о том, что «антагонизм изучаемого общества идёт не по линии рабовладельцев и рабов, а по линии феодалов-землевладельцев, с одной стороны, и закрепощаемой и закрепощенной крестьянской и городской массы – с другой» [6].

Среди оппонентов докладчика обращают на себя внимание высказывания И. И. Смирнова, на этот раз считавшего, что в своей социальной динамике Древнерусское государство «прошло стадию рабского развития», что древнейшая часть Русской Правды свидетельствует о существовании

рабовладельческого общества, и только Правда Ярославичей, написанная в 1072 году, – о начале формирования феодальных отношений, в которых, вместе с тем, еще сильны следы рабства [7].

Против утверждений некоторых историков о рабовладельческом характере социально-экономического строя в Киевской Руси на пленуме Государственной Академии истории материальной культуры летом 1933 года выступил М. М. Цвибак, прочитавший доклад на тему «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси» [8].

В последующем Б. Д. Греков в ряде работ окончательно сформулировал свои позиции по дискутировавшейся проблеме, отодвинув зарождение феодальных отношений вглубь, с XI до IX век [9].

Развернувшиеся дискуссии на тему об общественном строе в Киевской Руси в конце концов привели к утверждению концепции Б. Д. Грекова, что и нашло отражение в его капитальных работах [10]. В последующем, несмотря на большое количество поправок, уточнений и дополнений, внесённых другими исследователями, основная мысль историка о существовании феодальных отношений в Киевской Руси оставалась в силе.

Выдвинутые академиком Б. Д. Грековым положения в целом получили поддержку среди отечественных историков и в последующем стали хрестоматийными не только для научной, но и учебной литературы.

В исследовании ленинградского историка В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» и складывание на базе разложения первобытнообщинного строя феодальных отношений относится к IX-X векам. Это движение, по мнению учёного, шло по трём таким важным направлениям, как трансформация в феодалов родоплеменной знати; феодализация богатых семейных общин, не входящих в состав родовой верхушки, а выделяющихся в результате разложения сельской общины; оседание в городах «находников» – варягов и превращение варяжских викингов, купцов-разбойников в результате слияния с местной славянской знатью в господствующую прослойку [11]. Однако окончательную консолидацию феодализма В. В. Мавродин относил лишь к XI веку. В более поздних своих работах он придерживался этой же точки зрения [12].

Среди работ, в которых исследовались предпосылки возникновения феодализма у восточных славян, следует назвать статью К. Н. Тарновского, опубликованную в четвертой книжке журнала «Вопросы истории» за 1954 год, в которой он на основе анализа развития производительных сил в восточно-славянском обществе на стадии разложения у них первобытнообщинного строя, сделал вывод о том, что их относительно высокий уровень позволял славянам непосредственно перейти к феодализму, минуя рабовладельческую стадию развития [13]. Но при этом К. Н. Тарновский почти полностью отвлекся от тех исторических условий,

в которых происходило зарождение феодального строя у восточных славян, а также не учёл в достаточной степени влияния географической среды на развитие хозяйства восточных славян. Вне поля авторского анализа оказался и способ воспроизводства рабской рабочей силы.

На зависимость эволюции земледельческого производства от природных условий обратил внимание И. В. Созин, показавший, что развитие пашенного земледелия на территории Восточной Европы не создавало экономических предпосылок для появления дешёвого рабского труда и применения его в массовом масштабе [14].

В общетеоретическом разрезе проблему непосредственного перехода к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства рассмотрели М. Н. Мейман и академик С. Д. Сказкин, показавшие, что на стадии военной демократии и перехода к классовому обществу у народов всегда существовала потенциальная возможность выбора, так как обе первые классовые общественно-экономические формации имели много сходных черт. Неравномерность исторического развития отдельных народов в этот период связана была, по мнению авторов, с тем, какая из возможных тенденций в данных конкретных исторических условиях победит и разовьётся в формацию. Среди этих необходимых исторических условий не последнюю роль играл такой фактор, как способ воспроизводства рабской рабочей силы, который нельзя было решить только за счёт внутренних ресурсов. Рабовладение нуждалось в постоянном пополнении численности рабов, главным образом, за счёт войн.

Так, рабовладельческие государства древнего мира находились среди народов, которые были на стадии первобытнообщинного строя и представляли собой удобное поле для колонизации, а также захвата добычи и пленных, превращаемых затем в рабов. Полем же колонизации восточных славян стали малонаселённые северо-восточные окраины древней Руси и отчасти южная степь, откуда молодое восточнославянское государство постоянно подвергалось нападениям со стороны многочисленных и сильных кочевников. Это обстоятельство также не благоприятствовало развитию рабства, поскольку скопление внутри страны больших масс рабов при наличии такого соседства стало постоянной угрозой для независимого существования только что сложившегося государства восточных славян [15].

Историк А. В. Мишулин при анализе этого вопроса исходил из факторов внешнего влияния и считал, что славяне не знали рабовладельческого способа производства благодаря столкновению с Византией. После него социально-экономическое развитие двух стран пошло по линии синтеза: древние славяне, благодаря империи, миновали рабовладельческий строй в своём развитии, ибо в империи он уже становился пройденным этапом.

В то же время население Византии, благодаря славянам, их общинному строю, вступило на путь феодального развития более ускоренным темпом. Если бы этого взаимодействия не было, славяне, по мнению А. В. Мишулина, с неизбежностью должны были бы пройти через стадию развития рабовладельческого общества, ибо старые рамки первобытнообщинного строя накануне столкновения с Византийской империей были славянами перейдены, и теперь приобретение богатств, жажда накопления путём открытого грабежа и порабощения населения в тех исторических условиях должны были бы толкать общество к новой, рабовладельческой фазе развития [16].

Если в отношении исторических судеб древних славян, занявших в ходе соприкосновения с Византией часть её территории, и славянских племён, живших в непосредственной близости с Византией, такое утверждение можно признать правильным, то приложение его к основной массе славян, расселившихся вдалеке от границ Восточно-Римской империи, вызывает справедливые возражения.

Другая часть советских историков (Б. Д. Греков, В. И. Равдоникас), отвечая на поставленный вопрос, исходила не из учёта внешних влияний, а из развития самого славянского общества. Эти учёные главную причину видели в том, что к моменту формирования классового общества у древних славян налицо была сильная соседская община, которая и обеспечила непосредственный переход от бесклассового общества к феодализму [17]. Однако они не связывали ещё вопрос об эволюции сельской общины с развитием производительных сил восточных славян.

Попытку совместить точки зрения А. В. Мишулина и Б. Д. Грекова – В. И. Равдоникаса предпринял В. В. Мавродин, отметивший, что Киевская Русь, находясь в окружении феодальных стран, не могла начинать с пройденного ими этапа рабовладения. Однако, переход к феодализму, по его мнению, был обусловлен прежде всего существованием сельской общины [18]. Такое решение вопроса, хотя и менее одностороннее, также упускало из виду значение производительных сил и поэтому не продвигало вперёд решение проблемы генезиса феодализма.

Анализируя социально-экономическое развитие восточнославянских племён на стадии разложения первобытнообщинных отношений и формирования классового общества и образования государства, П. Н. Третьяков выделял время с VI по VIII век включительно как переходный полупатриархально-полуфеодальный период, в котором тесно сочетались как следы уходящего родового строя, так и нарождающейся феодальной формации. В IX-X веке, по мнению историка, «феодализм уже господствовал на Руси, и Древнерусское государство было государством феодальным» [19].

Б. А. Рыбаков на основе привлечения новых археологических источников пришёл к выводу о том, что период с VI по IX век является последней стадией первобытнообщинного строя «и незаметного на первый взгляд, но неуклонного роста предпосылок феодализма» [20].

В первом томе 12-томной истории СССР (см. пятую главу «Киевская Русь») Б. А. Рыбаков подтвердил свои взгляды относительно того, что в VI-VIII веке «окончательно оформились все предпосылки классовых феодальных отношений и в недрах военной демократии созрел прообраз будущей державы киевских князей» [21]. Развивая эту мысль, он писал, что на рубеже VIII и IX веков складывается феодальное государство – Русь, с центром в Киеве, просуществовавшее как раннефеодальная монархия до второй четверти XII века [22].

Важно отметить, что со временем и бывшие оппоненты Б. Д. Грекова стали разделять его позиции. Так, во второй главе «Краткой истории СССР», написанной уже упоминавшимся И. И. Смирновым и А. И. Копанёвым, отмечалось, что экономической основой социального строя Древней Руси являлось крупное феодальное землевладение князей, бояр, мужей-дружинников и – после принятия христианства – церкви. Хозяйство феодалов покоилось на эксплуатации труда многочисленных категорий непосредственных производителей: смердов, закупов, рядовичей, изгоев, наконец, холопов (рабов). Главной формой их эксплуатации, по мнению авторов этой книги, являлась барщина, отработочная рента. Существовал также оброк – рента продуктами [23].

Однако в начале 70-х годов XX века молодой ленинградский историк И. Я. Фроянов предпринял попытку подвергнуть основательной критике концепцию Б. Д. Грекова и по-новому подойти к освещению социально-экономического строя Древнерусского государства. Поставленная им перед собой задача была очень сложной, так как он вынужден был пользоваться всё тем же ограниченным кругом источников, которые находились и в распоряжении его предшественников. Новые археологические данные, к тому времени добытые советскими археологами, не могли оказать существенной помощи исследователю в качестве доказательств для пересмотра картины киевского общества, а от использования берестяных грамот, содержавших некоторые сведения, подтверждающие феодализацию восточнославянской экономики, им по понятным причинам использованы не были.

Докторская диссертация И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя», защищённая в декабре 1973 года на Учёном совете исторического факультета Ленинградского государственного университета, получила серьёзные замечания как со стороны ведущей организации (кафедры источниковедения

истории СССР и вспомогательных исторических дисциплин Ростовского госуниверситета; отзыв подписан доктором исторических наук, профессором А. П. Пронштейном и утверждён на заседании Учёного совета исторического факультета под председательством доктора исторических наук, профессора В. А. Золотова), так и официальных оппонентов.

В своём исследовании И. Я. Фроянов стремился доказать, что с точки зрения социально-экономической Древняя Русь XI-XII века была неоднородной, совмещающей в себе различные социальные уклады: общинный, рабовладельческий и феодальный. Последний, по мнению автора, был ещё настолько слаб, что уступал рабовладельческому. Рабство, как утверждал И. Я. Фроянов, не убывало, а продолжало расти. При этом он допускал явную непоследовательность, когда «решительно подчёркивал», что «древнерусские вотчины на протяжении XI-XII века выглядели подобно островкам, затерянным в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства, господствовавшего в экономике Киевской Руси» [24].

В связи с таким неожиданным заключением, вовсе не вытекавшим из всего предшествующего изложения, где проводилась мысль о приоритетности рабовладельческого уклада, у официальных оппонентов совершенно резонно возник вопрос о природе и классовой сущности государства. В частности, академик Л. В. Черепнин спросил диссертанта о том, что это за организм и на какой базе возник, если основой экономики являлось свободное крестьянское хозяйство, буквально затоплявшее землевладельческие островки [25]. В целом маститый учёный отметил, что концепция И. Я. Фроянова его «не убедила», и он остался при мнении, что основные положения концепции Б. Д. Грекова «остаются в силе» [26].

Второй официальный оппонент, доктор исторических наук, профессор А. А. Зимин отметил, что не все выводы И. Я. Фроянова ему кажутся вполне доказанными [27]. Так, в частности, он не согласился с категоричным утверждением диссертанта о том, что закупы это «полурабы», но не феодально-зависимые люди [28].

Доктор исторических наук Н. Е. Носов в своём выступлении обратил внимание на то, что, с его точки зрения, И. Я. Фроянов в своих общих выводах, критикуя предшественников, всё же впадает в обратную крайность и слишком уж преуменьшает значение княжеско-боярского землевладения в X-XII веке. Оппонент высказал недоумение по поводу утверждения диссертанта о процессе образования Киевского государства, как классового института, в котором ни рабовладельческому, ни феодальному укладу ещё не принадлежало господствующее положение, а частная земельная собственность не получила ещё достаточно широкого развития [29]. Вместе с тем, Н. Е. Носов совершенно правильно отметил, что «на начальных

стадиях феодализма различия между рабским и крепостным состоянием зачастую очень условны». В холопах киевского периода отечественной истории Н. Е. Носов видел своеобразный институт полурабов-полукрепостных и вслед за А. Е. Пресняковым, Б. Д. Грековым, Б. А. Романовым и И. И. Смирновым понимает под «челядью» не только рабов (и тем более рабов-военнопленных), но и княжеско-боярскую дворню – чад и домочадцев, находившихся в полурабской-полукрепостной зависимости. Возражал оппонент и против трактовки И. Я. Фрояновым «смердов» как государственных рабов-данников, считая её не убедительной. «Тем более, – писал Н. Е. Носов, – не можем мы согласиться, что смерды – «это челядь, посаженная на землю». А как же тогда называть основное крестьянское население Древней Руси? Достаточно ясного ответа на этот вопрос И. Я. Фроянов не дает» [30]. Не согласился Н. Е. Носов и с точкой зрения соискателя докторской степени на институт закупничества, трактуемый им также в качестве полураба. Н. Е. Носов, как и большинство других отечественных историков, совершенно справедливо рассматривал закупничество как форму вовлечения в феодальную эксплуатацию свободных крестьян-общинников. Закупничество – это один из наиболее феодализованных институтов X-XII века, наиболее распространенная форма вовлечения свободных общинников в феодальную эксплуатацию [31].

В качестве дополнительного оппонента выступал на защите доктор исторических наук И. П. Шаскольский из-за отсутствия А. А. Зимина, который по состоянию здоровья не смог приехать в Ленинград и принять участие в дискуссии, ограничившись представлением отзыва, на который мы ранее ссылались. Всё это было предусмотрено существовавшей в то время инструкцией ВАК по защите докторских диссертаций. Утверждение диссертанта о том, что рабовладельческий уклад в Древней Руси был весьма заметным и что в XI – XII веках он превосходил феодальный уклад, оппонент назвал «вполне допустимым», но в качестве гипотезы. На главный же вопрос, являлся ли труд рабов основой богатства господствующего класса, он отвечал отрицательно. Давая общую оценку диссертации И. Я. Фроянова, И. П. Шаскольский признал, что отдельные положения автора могут быть оспорены, они гипотетичны. «Однако вся наша наука о Киевской Руси в значительной мере строится на гипотезах, в ней нет ни одного крупного вопроса, который мог бы быть решён однозначно» [32].

В приложенных к книге И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» материалах отсутствуют ответы самого соискателя на замечания оппонентов. Поэтому мы не можем составить представление о степени аргументации выдвигаемых им положений. Но, судя по совместной статье с В. В. Мавродиным

«Общественный строй Киевской Руси», в разъяснение своих позиций он так ничего нового и не добавил [33].

В свою очередь, главный оппонент И. Я. Фроянова академик Л. В. Черепнин в статье «О некоторых нерешённых проблемах отечественной истории», написанной для международного ежегодника «Будущее науки» [34], снова подчёркивал, что «вывод о феодальном характере Киевской Руси IX–XII века – это завоевание советской исторической науки. Поступательное развитие феодального способа производства в Восточной Европе в указанные столетия было генеральной линией исторического процесса. В различных частях громадного государства, населённых славянами и неславянскими народами, он принимал разные конкретные формы». При этом учёный не отрицал наличие многоукладности при ведущей роли расширения и укрепления феодального способа производства, не показанного пока ещё наглядно [35].

В 1975 году вышел сборник статей «Древнерусские княжества X–XIII вв.», посвященный в основном истории формирования государственной территории древнерусских княжеств. Такая проблематика не обязывала авторов глубоко анализировать социально-экономический строй изучавшихся отдельных русских земель. Тем не менее, в статье А. К. Зайцева, о Черниговском княжестве этот вопрос затрагивался, и отмечалось, что X – первая половина XI века были временем формирования важнейших раннефеодальных центров (Чернигов, Сновск, Стародуб, возможно, Новгород-Северский), временем образования территориального и политического ядра княжества. Автор специально подчёркивал, что северо-восточный сектор «Русской земли» опережал в развитии феодальных отношений другие древнерусские территории [36].

Один из основополагающих компонентов феодализма, а именно княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII века исследовал О. М. Рапов, пришедший к выводу о том, что княжеское землевладение сыграло первостепенную роль как в экономической, так и в политической жизни древней Руси. Оно определяло взаимоотношения не только различных классов феодального общества, но и взаимоотношения внутри класса феодалов [37]. Материалы, имевшиеся в распоряжении исследователя, позволили ему опровергнуть гипотезу С. В. Вознесенского и И. Я. Фроянова о коневодческом уклоне княжеского хозяйства [38].

Точка зрения Б. Д. Грекова о сущности социально-экономического строя Киевской Руси осталась господствующей и в вузовских учебниках. Так, в «Истории СССР с древнейших времён до конца XVIII века», подготовленной под редакцией академика Б. А. Рыбакова и допущенной Министерством высшего и среднего специального

образования СССР в качестве учебника для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов, утверждалось, что в IX – начале XII века у восточных славян формирующийся класс феодалов расширял свои земельные владения и закабалял крестьян при поддержке государства, которое способствовало укреплению феодальных отношений [39].

Не лишён интереса тот факт, что и в учебнике для исторических факультетов пединститутов, подготовленном под редакцией учителя И. Я. Фроянова В. В. Мавродина, тезис о социально-экономическом строе Древнерусского государства как строе феодальном высказан неоднократно, достаточно отчётливо и недвусмысленно [40]. Это тем более любопытно, что известный российский специалист по истории зарождения феодализма несколько ранее, во время рекомендации диссертации И. Я. Фроянова к защите, заявлял о том, что он придерживался концепции своего ученика [41]. Тут остаётся только развести руками в недоумении и спросить того же исследователя, где он выражает свои мысли по изучаемой проблеме российской истории, а где следует за своим несомненно талантливым учеником, желая помочь ему защитить искомую докторскую диссертацию?

Ответ находим в аналогичном учебнике, изданном в 1983 г., в котором В. В. Мавродин подтвердил свою позицию, относя развитие феодальных отношений к концу X – началу XI века [42].

Ситуация заметным образом изменилась в конце 90-х гг. XX века, когда Санкт-Петербургские историки всё настойчивее стали вспоминать и поддерживать вышеупомянутые гипотезы И. Я. Фроянова. Так, в учебнике для абитуриентов и студентов «История России IX–XX вв.», выпущенном издательством «Нестор» в 1999 году, в первой главе, подготовленной А. Ю. Дворниченко, целиком поддерживается концепция возмутителя спокойствия первой половины 70-х годов. В ней безапелляционно утверждается, что гипотеза И. Я. Фроянова о преобладании в Киевской Руси общинной собственности на землю как-будто до сих пор ещё никем не опровергнута. Относительно форм зависимости автор повторяет подвергшийся наибольшей критике тезис И. Я. Фроянова о преобладании в стране рабовладения [43].

В ситуации, когда мы располагаем столь ограниченным количеством фактов, бесполезно пытаться восстановить в деталях всю первоначальную историю Древнерусского государства. Видимо поэтому в учебном пособии известного Санкт-Петербургского исследователя истории России XVI – начала XVII века Р. Г. Скрынникова «Русь IX – XVII века», отсутствует характеристика социально-экономического строя Киевской Руси. Освещая разные группы зависимого населения, историк не высказал своей точки зрения относительно того, какая из форм (рабовладельческая или феодальная) среди них преобладала.

Он лишь ограничился ставшей уже шаблонной критикой марксистской схемы исторического процесса, которая, по его мнению, «не находит подтверждения в источниках». На взгляд историка, вплоть до XII-XIII века на Руси не было развитого вотчинного боярского землевладения, не было также и классов. Относительно же сословий учёный утверждает, что они находились в процессе зарождения, который растянулся на столетия [44].

В другом учебном пособии, подготовленном преподавателями исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, дается осторожная характеристика социального строя Древнерусского государства. Отметив, что процесс формирования в Киевской Руси основных классов феодального общества слабо отражён в источниках, составители учебного пособия считают это одной из причин, почему вопрос о характере и классовой основе государства остаётся дискуссионным. Вместе с тем авторы констатировали тот факт, что наличие в хозяйстве государства различных экономических укладов даёт основание ряду специалистов оценивать Древнерусское государство как раннеклассовое, в котором феодальный уклад существовал наряду с рабовладельческим и патриархальным. Общий же их вывод по данному разделу таков: «Большинство учёных поддерживают мысль академика Б. Д. Грекова о феодальном характере Древнерусского государства, так как развитие феодальных отношений стало с IX в. ведущей тенденцией в социально-экономическом развитии Древней Руси» [45].

В свою очередь авторский коллектив ставропольских и ростовских историков считает, что господствующее положение в экономике Руси занимало общинное землевладение, что процессы классовобразования находились в зачаточном состоянии, связывая этот факт с многоукладностью древнерусского общества. При этом уклады ими распределены в такой последовательности (патриархальный, рабовладельческий и феодальный), которая не вызывает сомнения относительно того, какой концепции придерживаются в данном вопросе южнороссийские историки. Да они и сами не скрывают этого, категорически заявляя о большей продуктивности концепции петербургской школы И. Я. Фроянова, проводящего гипотезу о незавершенности процесса классовобразования в Киевской Руси [46].

Весьма обстоятельно зарождение феодальных отношений изложено во второй главе учебника по истории России с древнейших времён до 1861 г. под редакцией Н. И. Павленко. Прежде всего, следует отметить, что В. Б. Кобрин, автор этой главы, обращает внимание на однотипность рабовладельческой и феодальной формаций и подчёркивает, что феодализм часто возникал не из рабовладельческого способа производства, а непосредственно из первобытнообщинного строя [47].

Коснувшись проблемы социально-экономического строя Древнерусского государства

и отметив особую позицию в этом вопросе И. Я. Фроянова, авторы учебника, вместе с тем, подчёркивают, что большинство исследователей считает это государство раннефеодальным. Далее они разъясняют, в чём заключалось отличие раннефеодального общества от феодального. Поэтому при характеристике социально-экономического строя Киевской Руси речь может идти не столько о преобладании того или иного уклада, а об общей тенденции развития, о том, какой из укладов (рабовладельческий, патриархальный или феодальный) развивается, а какие постепенно сходят на нет. «В Древнерусском государстве будущее принадлежало именно феодальному укладу», – таков окончательный вердикт историков [48].

Весьма осторожны в характеристике социально-экономического строя Киевской Руси А. Н. Сахаров и В. И. Буганов, авторы учебника для 10 класса общеобразовательных учреждений. Появление феодальных отношений они относят лишь к XI в., считая вслед за Л. В. Черепниным, что огромные пространства Восточноевропейской равнины были заселены свободными людьми, зависимыми не от конкретного феодала, а лишь от власти великого князя, как главы государства [49].

Этот тезис Лев Владимирович выдвинул ещё в 1953 году, когда, учитывая отсутствие сведений о вотчинных владениях на Руси до XI века (самое слабое звено грековской концепции), он сделал вывод о существовании на Руси IX – XI вв. «верховой собственности государства» на крестьянские общинные земли, которая реализовывалась через взимание дани. «Вся земля Киевской Руси – это собственность всего Рюрикова Дома!» В своём итоговом исследовании 1972 г. «Генезис феодализма в России» Черепнин, как и Греков, назвал X–XI века как раннефеодальный период, но в котором «преобладала верховная собственность государства на землю, а основная масса эксплуатируемых крестьян была лично свободной, но подвергалась государственной эксплуатации...» [50].

Представление об активной роли государства в общественных отношениях Древней Руси, выдвинутое Черепниным, получило продолжение в ряде исследований по отдельным социальным группам X–XI века. Так, Б. А. Рыбаков в 1979 году обосновал своё предположение: термином «смерды» обозначались не крестьяне-общинники (как полагал Греков), а особая категория полукрестьянского-полувоенного населения, зависимого от князя (носителя верховной власти), которое одновременно занималось и земледелием и военной службой [51]. Современный исследователь Б. Н. Флоря установил факт существования на Руси даже определённой «служебной организации» – особых групп княжеских людей, обслуживавших нужды князей и знати (бортники, сокольники) [52]. Становилось очевидным, что государство на Руси не просто наслаивалось на общество, а само формировало зависимые от себя сферы социально-экономических

отношений. Так постепенно в исторической науке концепция Черепнина («государственного феодализма») вытеснила концепцию Грекова («генезиса феодализма на Руси в вотчинной форме»).

В современной российской историографии термин «феодализм» в отношении социально-экономического строя Киевской Руси стал непопулярен. С учётом исследований, которые вышли после смерти Б. Д. Грекова, правильнее говорить о совокупности общественных отношений, характерных для этого государственного образования, то есть о многоукладности, которая всегда «сопровождает» государства, находящиеся «на грани» двух или, как в нашем случае, трёх «состояний» (не будем лишним раз употреблять слово «формаций»): патриархального, рабовладельческого и феодального. А суть различных оценок, которые мы видим в советской и современной отечественной историографии, сводится, на взгляд краснодарского историка И. В. Устиновского, к двум вопросам: 1) делилось ли древнерусское общество на противостоящие друг другу (в социально-экономическом отношении) слои населения? 2) если оно делилось, то какой характер носили отношения этих слоёв? В «Очерках новейшей отечественной историографии истории России (XX – начало XXI вв.)» (2006 г.) он высказал своё видение по указанным вопросам: важная ценность исторического наследия Грекова состоит в разработке основополагающей, фундаментальной концепции, которая положительно отвечает на первый вопрос (делилось). Кроме того, в своей концепции Борис Дмитриевич попытался раскрыть сущность второго вопроса (характер отношений слоёв общества) [53].

Но вернёмся к нашему анализу и ещё раз подчеркнём, что осторожность никогда не вредит, если речь идёт о ранней истории Руси. Ей как раз и следовали Л. А. Кацва и А. Л. Юрганов, авторы учебника для VII класса средних учебных заведений. Они не дали прямого ответа на вопрос о характере социально-экономического строя Древнерусского государства. Об их позиции можно только догадываться, когда они делают отдельные замечания по узловым вопросам темы. Основным населением Киевской Руси, по их мнению, были свободные общинники, которых Русская Правда называет «людьми». Древнерусские общины, предполагали авторы, самостоятельно владели своей землёй, не неся за неё повинностей. Их зависимость от князей ограничивалась выплатой полюдья. Поэтому князья и дружинники, получая доходы от сбора и сбыта полюдья, почти не нуждались в частной собственности на землю. Ссылаясь на мнение «большинства историков», Л. А. Кацва и А. Л. Юрганов утверждали, что в X и в первой половине XI века среди множества крестьянских общинных земель лишь изредка встречались отдельные княжеские сёла. Не беря на себя смелость высказать собственное суждение о направленности княжеского хозяйства, историки нашли оригинальный выход

из положения и решили возложить на плечи самих учащихся 7-го класса (!) поиск ответа на сложный вопрос. Сказав, что в сохранившихся документах ни слова не говорится о княжеской пашне, они тут же задают вопрос-подсказку: «Не свидетельствует ли это о том, что княжеское хозяйство было первоначально скотоводческим или даже в основном коневодческим?» И, чтобы склонить учащихся к определённому ответу, добавляют: «Кони требовались князьям для военных целей». Частные земельные владения бояр, по их предположению, появились лишь во второй половине XI века или даже на рубеже XI и XII века, да и то в небольшом количестве [54]. Судя по всему, и начало российского феодализма они относили к этому же времени.

В учебнике же для 10-11 классов общеобразовательных учреждений И. Н. Ионовой формирование системы частного, боярского и монастырского землевладения и вместе с нею феодальных отношений относится ещё к более позднему времени – к XII-XV веку [55].

Рассмотренные нами учебники и учебные пособия представляют собой лишь только часть той учебной продукции, вышедшей в последнее время в разных издательствах страны. Материал по обозначенной нами теме присутствует и в них, повторяя вариации, изложенные другими авторами. Даже краткий обзор освещения социально-экономического строя Киевской Руси в этих работах показывает насколько сложна проблема. Трудно найти убедительные доводы, чтобы предпочесть одну гипотезу другой. Тем более, что общие реконструкции отечественных историков нередко заходят в интерпретациях сохранившихся источников намного дальше того, что эти источники могут сообщить. Историки, стремясь как можно глубже проникнуть в суть явлений, не всегда могут отыскать источники, с помощью которых ответить на поставленные вопросы. Конечно, хорошо было бы иметь статистические данные о числе феодалов, рабовладельцев, различных групп сельского населения, несомненно, закабаляемого крестьянства, о соотношении между ними. Исходя из наличия источников, на расширение круга которых мы не можем рассчитывать, мы в состоянии наметить лишь тенденции этого развития. А они заключались в следующих вещах: с одной стороны шёл процесс потери самостоятельности смердами, свободными членами общины и превращение в феодально-зависимое население (яркий тому пример – закупы); с другой – рабы (по «Русской Правде» – обельные холопы) постепенно меняли свой статус и превращались в феодально-зависимых людей (просто холопов, то есть временно зависимых людей); в третьих, в незаинтересованности высшей законодательной власти (а в ту эпоху она была нераздельной с судебной и исполнительной) в распространении института холопства. Достаточно вспомнить три статьи Пространной Русской Правды об обельном холопстве («холопство обельное трое»), согласно которым

законодатель подсказывал свободному человеку, чтобы тот не попал в рабство, заключать договор, тем самым обеспечив свою свободу.

Остроумные догадки и гипотезы не могут компенсировать скудости источников. Не может их компенсировать и эрудиция авторов, которая заслуживает самой высокой оценки. Но это не значит, что необходимо прекратить все споры вокруг обозначенной проблемы, которую отдельные западноевропейские историки считают даже второстепенной [56]. С окончанием споров оканчивается и наука.

Литература и примечания

1. *Сталин И., Жданов Н., Киров С.* Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории: Сб. М., 1937. С. 22-24.

2. *Смирнов И. И.* Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 96.

3. *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1 и 2. От древнейших времён до конца XIX столетия // Избр. соч. М., 1967. С. 28, 30.

4. *Юшков С. В.* Феодальные отношения в Киевской Руси // Уч. зап. Саратовского ун-та, 1925. Т. 3. Вып. 4.

5. *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

6. *Греков Б. Д.* Рабство и феодализм в Древней Руси // Изв. Государственной Академии истории материальной культуры. М., 1934. С. 63.

7. Там же. С. 98–101.

8. *Цвибак М. М.* К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933.

9. См., например: *Греков Б. Д.* Проблема генезиса феодализма в России // Исторический сб. Л., 1933. Вып. 1.

10. См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953 или 1940, 1949; он же: Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в. В 2-х кн. М., 1952; он же: Главнейшие этапы истории крепостного права в России. М.; Л., 1940.

11. *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 114, 156, 159.

12. См.: *Мавродин В. В.* Социально-политический строй // История культуры Древней Руси. Т. 2. М.; Л., 1951; он же: Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.

13. См.: *Тарновский К. Н.* Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян // Вопросы истории. 1954. № 4.

14. *Созин И. В.* К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму // Вопросы истории. 1957. № 6.

15. См.: *Мейман М. Н., Сказкин С. Д.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного строя // Вопросы истории. 1960. № 1.

16. *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1.

17. См.: *Греков Б. Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1937; он же: Киевская Русь. М., 1953; *Равдоникас П. И.* Маркс – Энгельс и основные проблемы доклассового общества // Изв. Академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 81.

18. См.: *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

19. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953. С. 281.

20. *Рыбаков Б. А.* Образование государства с центром в Киеве // Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 242.

21. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь // История СССР с древнейших времён до наших дней: В 12-ти томах. М., 1966. Т. 1. С. 477.

22. Там же.

23. Краткая история СССР: В 2-х частях. Ч. 1: С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1972. С. 40.

24. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 158.

25. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. Примечания. С. 326.

26. Там же.

27. Там же. С. 335–336.

28. Там же. С. 336.

29. Там же. С. 341.

30. Там же. С. 348, 349.

31. Там же. С. 350–351.

32. Там же. С. 358, 359.

33. *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Общественный строй Киевской Руси // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 118.

34. См.: Будущее науки. 1975. № 8. С. 235-250.

35. *Черепнин Л. В.* О некоторых нерешённых проблемах отечественной истории // Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. статей. М.: «Наука», 1981. С. 263.

36. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X – XVIII вв. М., 1975. С. 75.

37. *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 238.

38. Там же. С. 233.

39. История СССР с древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975. С. 63.

40. История СССР. Ч. 1: С древнейших времён до 1861 г. / Под ред. В. В. Мавродина. Изд. четвертое, исправленное и дополненное. М., 1979. С. 60-61.

41. См.: *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 300.

42. История СССР с древнейших времён до 1861 г. / Под ред. П. П. Епифанова, В. В. Мавродина.

Изд. пятое, переработанное. М., 1983. С. 69–74.

43. История России IX – XX века: Учебник для абитуриентов и студентов. СПб., 1999. С. 48.

44. *Скрынников Р. Г.* Русь IX – XVII века. СПб.; М.; Харьков; Минск, 1999. С. 74–75.

45. Пособие по истории Отечества для поступающих в вузы. 2-е изд.: Учебное пособие / Ред. коллегия: Орлов А. С., Полунов А. Ю., Шестова Т. Л., Щетинов Ю. А. М., 1998. С. 14.

46. История: Учебное пособие. Р. н/Д, 2000. С. 142, 144.

47. История России с древнейших времён до 1861 года: Учебник для вузов / Под ред. Н. И. Павленко. М., 2000. С. 30.

48. Там же. С. 47.

49. *Сахаров А. Н., Буганов В. И.* История России с древнейших времён до конца XVII века: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / Под ред. А. Н. Сахарова. 4-е изд. М., 1998. С. 79.

50. *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития

феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4.

51. *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1, 2.

52. *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных славян // Отечественная история. 1992. № 2.

53. *Устиновский И. В.* Очерки новейшей отечественной историографии истории России (XX – начало XXI вв.). Краснодар, 2006. С. 295–296.

54. *Кацва Л. А., Юрганов А. Л.* История России VIII– XV вв.: Учебник для VII класса средних учебных заведений. М., 1996. С. 50.

55. *Ионов И. Н.* Российская цивилизация IX – начало XX века: Учебник для 10 – 11 классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд., переработанное и дополненное. М., 1998. С. 73.

56. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200 / Под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2000. С. 526.

V. A. TRENBRATOV. THE GENESIS OF FEUDALISM AND THE FORMATION OF THE STATE OF THE EASTERN SLAVS IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LITERATURE IN 20-IES OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY.

The question of socio-economic structure of the Kievan Rus.is considered in this article.

Key words: government, feudalism slavery, socio-economic system.

И. Г. ИВАНЦОВ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА 1920-1930-Х ГОДОВ, КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ В ДОКУМЕНТАХ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ВКП (б)

Статья посвящена источникам культурной истории эмоций в контексте повседневности провинциального города, базирующимся на документах партийно-государственного контроля ВКП (б).

Ключевые слова: архивные документы, ВКП (б), источники, история эмоций, контрольные комиссии, провинциальный город.

Повседневность провинциального города в раннем советском обществе, понимание, критический анализ и описание самых разнообразных аспектов эмоциональной истории этого периода являются очень важными элементами микроистории повседневности региона. В этом большую помощь может оказать проведение источниковедческого анализа архивных документов, отражающих, в том числе и значительный пласт «эмоциональной» информации.

До недавнего времени источниковая база (если иметь в виду корпус архивных документов правящих партийных органов) по данной теме была не вполне исчерпывающей, исследователи сталкивались с лакунами и ограничениями в источниках. Многие из них находились, а некоторые по сей день находятся на закрытом хранении. Настоящая информация может помочь привлечь исследователей к данной теме.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), созданный в сентябре 1991 г. на базе бывшего партийного архива Краснодарского крайкома КПСС, является единственным кубанским архивом, сохранившим в своих фондах крупный комплекс документов официального происхождения 1920-х и особенно 1930-х годов.

В Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) и большинстве архивов городов и районов Кубани архивные материалы 1920 - 1930-х годов либо малы по объему, либо вовсе отсутствуют, так как документы городских райисполкомов, сельсоветов, колхозов, различных ведомств и организаций за этот период в основном были утеряны во время оккупации Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны.

В Центре документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) сохранился